

*Ты приказала мне падать замертво,
Переродиться — и снова в путь.
Будь я героем поэмы гекзаметром,
Я бы восславил судьбу.*

Немного нервно.
«Просто держи меня за руку»

ПРОЛОГ

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

вет перестает пробиваться сквозь облака. Небо укутано ими и предчувствием скорой грозы. Я не могу понять, что слышу: ее далекий рокот или грохот проезжающих по главной улице машин. Воздух тяжелый и влажный, но еще достаточно теплый для начала октября. Гроза нагонит меня быстрее, чем я успею добраться до квартиры. На мгновение кажется, что я вижу в небе белый росчерк молнии.

— Ни с места! Лекционная полиция!

Услышав оклик откуда-то сбоку, я замираю прямо посреди потока студентов. Меня тут же толкают в плечо, бросают что-то грубое, я отгрызаюсь в ответ, но все же отхожу. Тогда наконец вижу ее. Она стоит под изогнутым деревом, чья раскидистая крона укрывает почти весь крохотный двор около универа.

— Я не прогуливаю, пару отменили, честное слово! Помилуйте, госпожа офицер! — спешно оправдываюсь я и даже, как ни странно, не вру.

— Да я в курсе, — улыбается самая лучшая староста на свете, когда я захожу к ней под древесную крону, — просто проверяю, чтобы ты не расслаблялся.

— Тогда это злоупотребление полномочиями, — фыркаю я и засовываю руки в карманы.

Она радостно кивает, да так энергично, что круглые очки опасно съезжают на самый кончик носа и чуть не падают. Привычным жестом она их поправляет и приглаживает растрепавшиеся от ветра стриженные под каре волосы.

Проходящие мимо то и дело окликают кого-то из нас или сразу обоих. Здравуются. Прощаются. И бегут дальше, только мы все стоим под той же раскидистой кроной. Почти всем здесь на одну станцию, на самые загруженные ветки, так что разумнее пропустить пару поездов, чем ехать в давке. К тому же мы всегда возвращались домой только в компании друг друга, у нас закрытый клуб.

— Ну как, стипендия пришла? — спрашивает она, когда мы все же покидаем наше укромное местечко во дворе и выворачиваем на узкую улочку. Впереди уже слышится шум оживленной дороги. Вокруг невысокие желтые и карамельно-кофейные дома, не такие изящные, как в центре, но привычно-уютные. Оставляющие много неба над головой. До метро три минуты пешком, но мы идем нарочито медленно, будто очень-очень хотим попасть под дождь.

Я отрицательно мотаю головой, потому что нет, стипендия не пришла и этим разбила мне сердце.

— Значит, опять задерживают. Сколько можно уже?! Обещали ведь еще на прошлой неделе! — спрашивает она, поднимая голову и оборачиваясь, будто может разглядеть за домами соборный купол, синий с золотыми звездами, напрямую обращаясь к небесной канцелярии — с институтской связываться уже страшновато.

— Они не обещали, они прогнозировали. Может, приход денег, как приход дождя, под силу лишь спрогнозировать, — рассуждаю я вслух, заодно думая о шаманских ритуалах по призыву стипендии. — Только вот еще пара дней, и я подкараулю ответственных в темной подворотне и сожру живьем, потому что больше есть будет нечего и не на что.

— Вампиром решил стать? — смеется она, пока мы стоим на светофоре. Я бы тоже посмеялся, но скоро повежусь с мышью в одном холодильнике.

— Тогда уж гулем. Вампиры только кровь пьют, а это слишком расточительно в моей ситуации, — приходится повысить голос, чтобы перекричать проезжающие машины.

— Что, совсем плохо дело? — спрашивает она и глядит на меня с такой жалостью, с какой смотрят на мокрого, голодного котенка, встреченного на улице. У которого еще одна лапа подбита и глаз незрячий.

Я спешно отвожу взгляд, на вопрос отвечать не хочется. Я же обязательно выживу, нечего на меня так смотреть.

Хотя на карте сотка. Последняя. Да и та, скорее, как талисман — с такими ценами. У моей мамы так одно время денежная жаба стояла, я просто перевел всю эту ритуальность в онлайн. А до зарплаты две недели, в которые я планировал жить на стипендию. Теперь просто планирую жить. С финансовой грамотностью у меня примерно так же хорошо, как с горизонтом планирования.

А еще бы на проезд что-то оставить. Пока, конечно, только начало осени и не холодно, но тащиться пешком через половину города к первой паре мне не очень хочется. И так от метро уже топаю, хотя нормальные люди четыре остановки на маршрутке едут.

— В целом-то жить можно. — Зеленый наконец загорается, и я нарушаю затянувшуюся паузу, чтобы не превратиться в чужих глазах в ходячую слезливую историю. — Плохо, но недолго.

Она смеется и толкает меня в плечо. Я прекрасно знаю, что одноклассница хочет сказать, но также знаю, что не скажет. Уже поэтому бесконечно ей благодарен. Да, я мог бы попросить помощи у родителей. Но скорее умру голодной смертью, чем сделаю это. Зато гордый, сильный и независимый.

И вообще, может, пешком добираться не такая уж плохая идея. На дома красивые лишний раз посмотрю. Барокко, классицизм, модернизм, конструктивизм — один исторический слой за другим. Ходи и наслаждайся. Люди за это, между прочим, деньги платят, а ты под этой прелестью в вагоне трясешься, ужас, в архитектурном еще учишься.

— Может, тебе одолжить? — спрашивает моя благотворительница, вместо того чтобы лезть с настойчивыми советами. Воистину, небесное создание. — Мне несложно, вернешь, как сможешь.

Я придерживаю ей дверь, из которой тянет теплым и душным ветром метрополитена. Небольшая белая ротонда вдруг начинает казаться мне тесной, будто купол потолка опустился на несколько метров, а стены сдвинулись.

— Да нет, — я качаю головой, — все правда не так плохо, я просто шучу.

Ей на самом деле несложно, она девочка из хорошей семьи, очень-очень хорошей в отличие от моей. Не только в материальном смысле, но и в общечеловеческом. У людей, на минуточку, швейцар в парадной, квартира на половину этажа — еще и с эркером, — потолки под четыре метра с лепнинами и дача в пригороде, а она тут со мной как с ровней, а не как с челядью разговаривает. Потому что, если я назову свой подъезд парадной, умру от передозировки постиронии.

— Ты всегда «просто шутишь». — Она показывает пальцами кавычки, смотрит *знаю-я-твои-штуки* взглядом. — Может, хоть раз дашь тебе помочь? Мы друзья или как?

Да, мы друзья. Хотя иногда мне кажется, что наша дружба держится лишь на ее чувстве благодарности за... несколько, скажем так, хороших вещей, которые я ухитрился для нее сделать. Ну и на том, что я единственный, кто согласился сидеть с ней за первой партой на всех парах. У нее синдром отличницы и плохое зрение, а меня преподады с любого расстояния видят, так что смысла нет прятаться.

Ах да, и еще наша дружба держится на том, что она не лезет лечить мне голову, как бы ей того ни хотелось.

— Пока друзья, но однажды я обязательно подумаю о том, чтобы стать твоей содержанкой, — заверяю ее я.

— Иногда твоя упертость меня просто поражает, — фыркает она, раздраженно хлопая картой по турникету.

На моем же турникете мелькнувшая в маленьком окошке циферка красноречиво намекает, что завтра я отправляюсь в универ пешком.

У эскалатора мы снова воссоединяемся, и он медленно нас глотает, уводя в глубину почти до самого центра земли. Стены туннеля начинают давить. Воздух кажется невыносимо душным, спертым. Бесконечная вереница людей вытянута как цепочка бусин. Кто-то быстро сбегает вниз, исчезая из поля зрения. Это мельтешение нервирует.

«А она все спускалась, и спускалась, и спускалась».

Я несколько раз моргаю, тупо рассматривая рекламный баннер, на котором нарисованы ноги падающей Алисы в аккуратных туфельках, полосатых чулках и синей юбочке с белым передником. И такие же падающие слова.

«Все движется куда-то и как-то изменяется», — гласит другой баннер, тоже с Алисой. Здесь она уже не падает, а спускается по словам. Снова синее платье и белый передник, чулки в полоску. Но мне вспоминается совсем другая Алиса. Та, что везде носила с собой тесак.

Почему-то от этих мыслей становится еще неуютнее, словно я могу свалиться с эскалатора напрямиком в кроличью нору.

Внизу поезд с лязгом тормозит у платформы. У кого-то вдруг звонит телефон, и я слегка вздрагиваю, в спину летят ритмичные звуки гитары и протяжные — скрипки. Мотив кажется знакомым, но я никак не могу вспомнить песню. Из-за шума удается разобрать лишь одну строчку, выведенную чистым женским голосом: «...из пепла, в котором сожжен».

Мне почти удается вспомнить, откуда эти слова, но тут мелодия обрывается, сменяясь торопливым «алло». Кто-то из особо спешащих грубо толкает меня в плечо, так что я чуть не падаю.

— Придурок, — шипит ему вслед подруга, но невежа ее уже не слышит.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с ее пристальным взглядом, от которого становится не по себе.

— Ты как-то вдруг побледнел. — Она стоит на ступеньку выше, но чтобы заглянуть мне в глаза, ей все равно приходится задирать голову. — Точно нормально себя чувствуешь?

— Вполне, — отвечаю я. В конце концов, «нормально» — не значит «хорошо». — Это из-за освещения, наверное.

В этот момент цилиндрическая лампа, мимо которой мы проезжаем, начинает трещать и с тихим хлопком выключается. Подруга вздрагивает и отшатывается. Потом точно так же перегорает еще одна лампа, и еще одна, и еще.

«Ага, сейчас дементоры налетят. Или призраки закопанных под станцию рабочих? Хтонические чудовища древних болот? — думаю я. — Какие тут новые станции, когда они старые в порядке держать не могут?»

— Как думаешь, что-то пошло не так? — спрашивает подруга, опасливо косясь в сторону эскалатора.

— Скорее всего, просто перенапряжение в сети, ничего такого, — заверяю ее я, стараясь быть как можно убедительнее. Хотя при мне лампы в метро тоже первый раз перегорают.

Подруга, как и многие, кто вырос в городе без метрополитена, питает к нему некую настороженность. Не постоянно, конечно, но время от времени.

Она кивает, и мы привычно останавливаемся посреди платформы. Между синей и красной линиями. Нам в одну сторону, но на разные ветки: ей в исторический центр, пара станций, минут десять от силы, мне — на окраину, ехать и ехать. Вот и ждем разных поездов. Люди обходят нас кругом, словно мы островок посреди бушующей реки. Обычно я почти не обращаю на это внимания, но сейчас толпа отчего-то раздражает, давит своим шумом и суматошностью. У меня начинает немного кружиться голова, но я стараюсь не обращать внимания. Все же надо чаще есть.

— Ты какой-то потерянный, — вдруг говорит она.

— Сейчас? — рассеянно переспрашиваю я.

— Всегда, — отвечает она, а у меня по спине вдруг пробегает странный холодок. — Сколько я тебя знаю, мне то и дело кажется, что ты выглядишь как человек, который потерял дорогу домой и все никак не может ее отыскать.

Что-то явно идет не так. Я силюсь понять, что именно. Безликие прохожие. Рекламный баннер, с которого улыбается морда Чеширского Кота. Названия станций. Подсвеченный с краев белый купол потолка. Светлые мраморные стены. Скользящие по ним нечеткие отражения. Все вроде бы как всегда. Взгляд останавливается на лице подруги — знакомые черты вдруг неуловимо меняются, словно кто-то хотел скопировать ее, но вышло неидеально. Я слишком хорошо помню лицо и вижу неточности. Она отворачивается и смотрит во мрак туннеля. Ее глаза кажутся холодными, родными и совершенно незнакомыми одновременно.

— Может, ты ее даже не ищешь, эту самую дорогу? Может, стоило бы попробовать? — говорит она, но ее слова теряются в гомоне. Она смотрит на меня светлыми глазами. Кажется, раньше глаза были темными? Или нет? Я едва различаю ее голос, когда она продолжает: — Три — счастливое число, так ведь? Кто знает, вдруг на этот раз...

А потом все проходит так же резко, как и началось, будто сменились кадры. Она снова становится совсем собой, растерянно озирается по сторонам. Но вот мое окружение никуда не исчезает.

— И что это должно значить? — Усмешка выходит даже почти естественной, хотя перед глазами начинает немного плыть. Размытые отражения в мраморе делаются темнее и резче. Мелькают чаще. Их будто становится больше, чем проходящих мимо людей.

— Да без понятия, — фыркает она, кажется, не совсем осознавая, о чем я вообще спрашиваю.

А я смотрю на нее и думаю...

— Подожди, а сколько я тебя уже знаю? — Она вглядывается в мое лицо очень-очень внимательно.

— Давно, наверное, — говорю я неуверенно, ведь секунду назад задался точно таким же вопросом.

Вдали доносится железный гулкий лязг колес, скрежет тормозов. Тело неосознанно вздрагивает от звука. Нервы у кого-то совсем ни к черту, глицин, что ли, попить?

— Да, точно давно. Безумно давно. Я уверена в этом, только вот... — бормочет она себе под нос. — Будет очень глупо спрашивать — у меня, видимо, что-то с головой, — но, как тебя...

Грохот и лязг тормозящего поезда вместе с резким порывом ветра уносят ее слова. Она судорожно поправляет волосы. Смотрит на меня странно, будто даже беспомощно. У нее все-таки темные глаза.

Поезд приносит с собой запах креозота, влажной сырости и почему-то пепла. Как если бы при торможении могли загореться шпалы.

— Ничего, забудь, не важно, — тараторит она, — до завтра, ладно?

Бросив это, она разворачивается и бежит к вагону, почти мгновенно исчезая в толпе. Я же иду словно на автопилоте, ныряю в проем между двумя тенями на светлом мраморе. Эти тени отражаются друг от друга и не меняются, когда я прохожу между. Думать об этом не хочется.

Туннель начинает светлеть, наполняться лязгом и грохотом. Струи теплого тяжелого воздуха ударяют в лицо и ерошат волосы. Он пахнет пеплом, копотью и огнем. Толпа оживляется. Я подхожу ближе к краю, почти пересекая желтую линию, а в голове все кружится одна навязчивая мысль: «Как ее зовут?»

Я стою и пытаюсь вспомнить, жду поезда, на котором мне нужно уехать, но я не знаю куда. Надо бы и это вспомнить, пока он не прибыл.

«Какого черта я не помню, как ее зовут?!»

Забавно, но ведь она, кажется, тоже хотела спросить мое имя.

Лязг и грохот все ближе, свет все ярче. Алая полоса вспыхивает золотом у самой кромки тьмы. Поезд несется по туннелю механическим фениксом. Голова кружится все сильнее.

«А правда, — думаю я со странным обреченным спокойствием, — как меня зовут?»

Стальная птица с протяжным скрежетом раскрывает свой клюв и издает громкий свистящий крик. Я резко поворачиваюсь на звук, и в то же мгновение меня ослепляет вспышкой бесконечно яркого света.

Я зажмуриваюсь, но он пробирается мне под веки, под кожу, глубже и глубже, до самых костей. Свет болезненно жаркий и яростный, мертвый, ненастоящий свет, он выжжет меня, не оставив даже черной тени на белом мраморе или на серой потрескавшейся земле, ведь единственная его цель — стереть меня без остатка.

